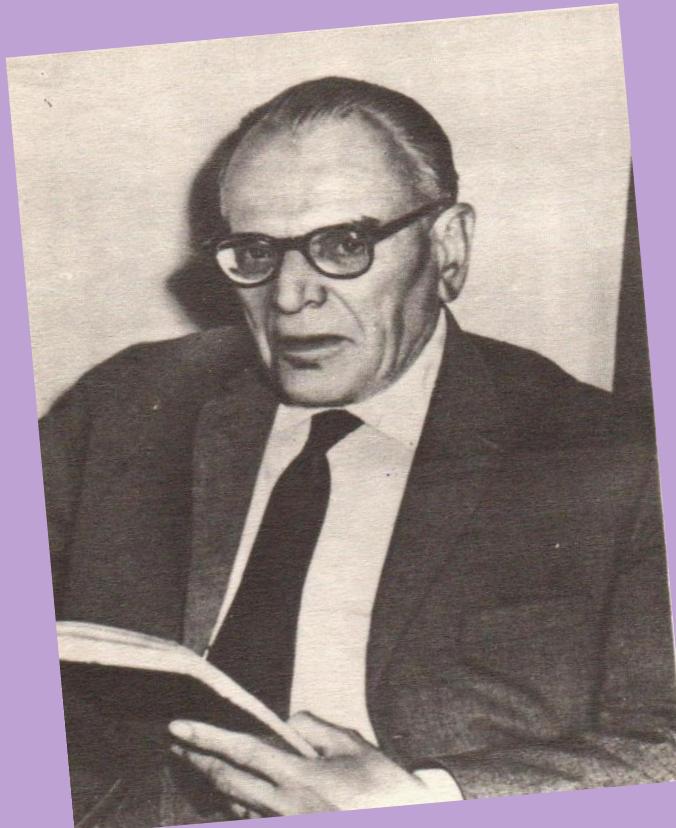


Презентация

Прочитаем вместе

Константин Паустовский

Рассказ «Стальное колечко»



Пыстина Лидия Митрофановна
учитель русской литературы
школа – гимназия № 9
г. Павлодар

Константин Георгиевич Паустовский
1892 - 1968





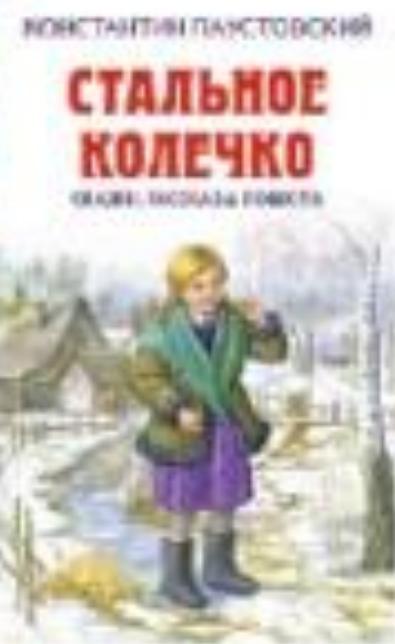
Константин Паустовский

Рассказ «Стальное колечко»

Стальное колечко



Стальное колечко



- Маленькая повесть-сказка повествует о девочке Варюше, живущей в селе со своим дедом.

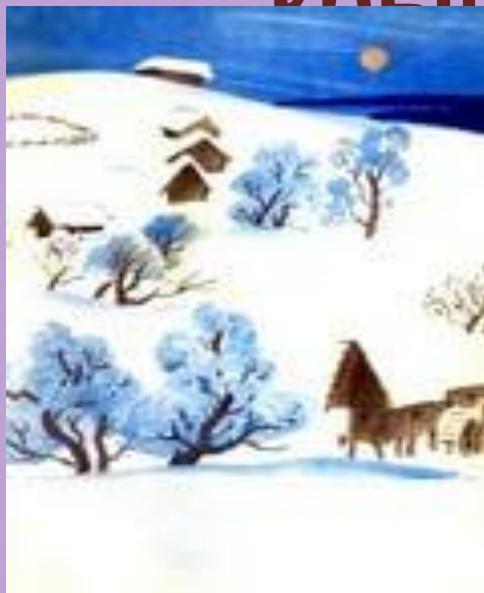
Дед Кузьма жил со своей внучкой Варюшкой в деревушке Моховое, у самого леса.





Дед Кузьма жил со своей внучкой Варюшкой в деревушке Моховое, у самого леса. Зима выдалась суровая, с сильным ветром и снегом. За всю зиму ни разу не потеплело и не закапала с тесовых крыш суетливая талая вода.

Зима выдалась суровая, с сильным ветром и снегом. За всю зиму ни разу не потеплело и не закапала с тесовых крыш суевливая талая вода.



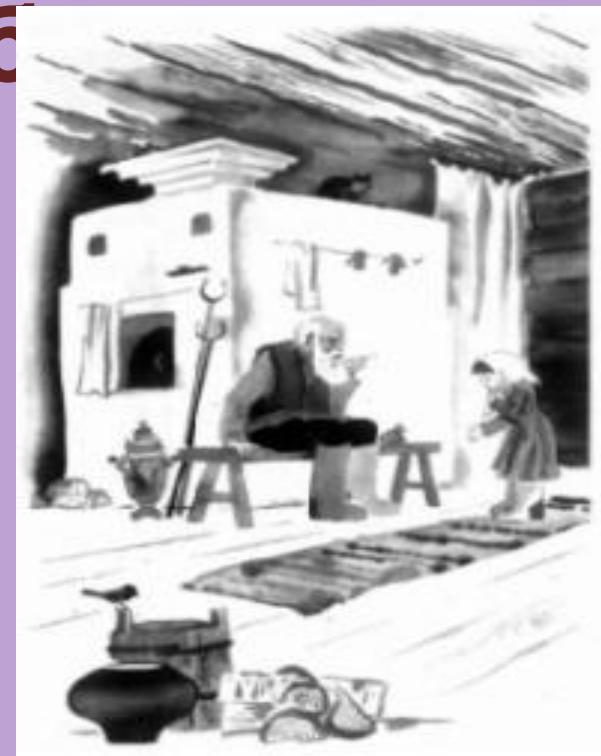
Ночью в лесу выли продрогшие волки.
Дед Кузьма говорил, что они воют от
зависти к людям: волку тоже охота
пожить в избе, почесаться и
полежать у печки, отогреть
себя помягче косматую шкуру.





Среди зимы у деда вышла
махорка. Дед сильно кашлял,
жаловался на слабое здоровье и
говорил, что если бы он кашлял
разок - другой –

ему бы сразу



полегчало.



Среди зимы у деда вышла махорка. Он сильно кашлял и жаловался на слабое здоровье, говорил, что если бы затянулся разок-другой — ему бы сразу полегчало.

В воскресенье Варюша пошла за махоркой для деда в соседнее село Переборы. Мимо села проходила железная дорога.

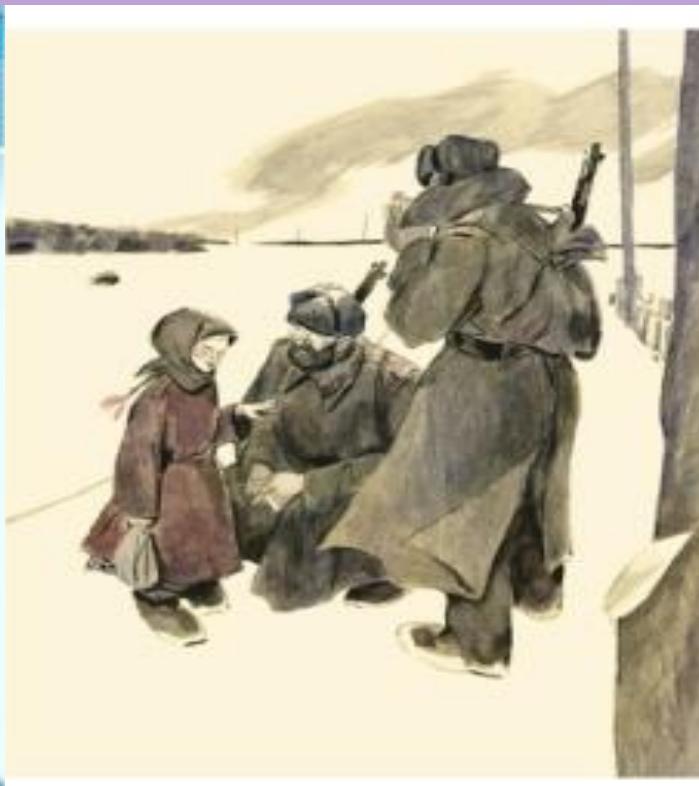
Варюша купила махорки, завязала ее в ситцевый мешочек и пошла на станцию посмотреть на поезда. В Переборах они останавливались редко. Почти всегда они проносились мимо с лязгом и грохотом.





В воскресенье Варюша пошла за махоркой для деда в соседнее село Переборы. Купила махорки, завязала ее в ситцевый мешочек и пошла на станцию посмотреть на поезда. В Переборах они останавливались редко.

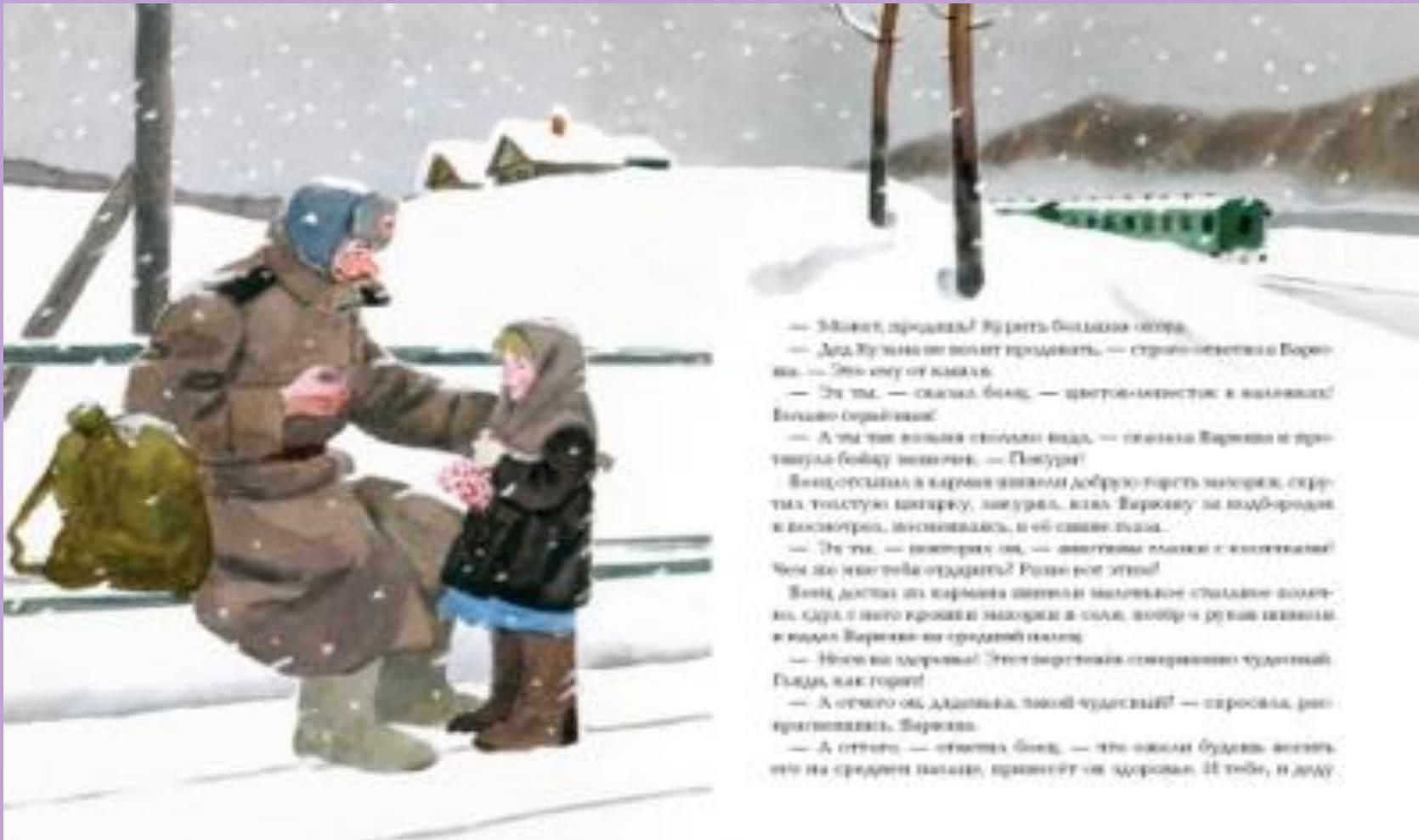
На платформе сидели два бойца. Один был бородатый, с веселым серым глазом. Заревел паровоз. Было уже видно, как он, весь в пару, яростно рвется к станции из дальнего черного





На платформе сидели два бойца. Один был бородатый, с веселым серым глазом. Заревел паровоз. Он с размаху налетел на станцию. Снег завертелся и залепил глаза. Варюша схватилась за фонарный столб: как бы ее не подняло над землей и не утащило за поездом.

– Скорый! – сказал боец с бородой. –
Смотри, девчонка, сдует тебя
поездом. Улетишь под небеса.



— Мама, приедешь? Встреть Баринка сюда.

— Да, Жужаня не полет приедет, — строго ответила Баринка. — Это ему от камиль.

— Эх ты, — сказал боец, — цыган-мистик в машине! Баринко береги-ка!

— А ты так волна сполна будь, — тихонько Баринка и приткнула бойцу юбочку. — Покудай!

Бондаревская в кармане засунула добрую горсть макарок, спрятала толстую шапочку, пальчики, клюв Баринку за подбородок и взглянула, засмеявшись, на обувь пальца...

— Эх ты, — повторила она, — индейские пальчики с кисточками! Чем же мне тебя отградить? Роди же этот!

Бондаревская из кармана вытащила маленькие спичечные пачки и села с него крошки на скатерть в салон, чтобы чугунные пальчики в колпаках Баринка не предстанут пальцем.

— Ничем не обрадаешь! Этот мерзняк измерзший чудилный Глади, как горят!

— А отчего он дяденка, такой чудесный? — спросила, разговаривая, Баринка.

— А оттого, — ответил боец, — что пальчи будешь жечь-то на среднем пальце, притягивай же здоровье. И тобе, и дяде

Паровоз с размаху налетел на станцию.
Снег завертелся и залепил глаза. Потом
пошли перестукиваться, догонять друг
друга колеса. Варюша схватилась за
фонарный столб и закрыла глаза: как бы
и вправду ее не подняло над землей и не





Когда поезд пронесся, а снежная пыль еще вертелась в воздухе и садилась на землю, бородатый боец спросил Варюшу:

– Это что у тебя в мешочке? Не махорка?

– Махорка, – ответила Варюша.

– Может, продашь? Курить большая охота.

– Дед Кузьма не велит продавать, – строго ответила Варюша. – Это ему от кашля.

– Эх ты, – сказал боец, – цветок-лепесток в валенках! Больно серьезная!

– А ты так возьми сколько надо, – сказала Варюша и протянула бойцу мешочек. – Покури!





Когда поезд пронесся, бородатый боец спросил Варюшу:
— Это что у тебя в мешочке? Не махорка? Может, продашь?
— Дед Кузьма не велит продавать. Это ему от кашля. А ты так
возьми сколько надо. Покури!

Боец отсыпал в карман шинели
добрюю горсть махорки, скрутил
толстую цыгарку, закурил, взял
Варюшу за подбородок и посмотрел,
посмеиваясь, в

– Эх ты, – повторил он
– анютины глазки
с косичками!

Чем же мне тебя
отблагодарить? Разве вот этим?





Боец отсыпал в карман шинели добрую горсть махорки, скрутил толстую цигарку, закурил, взял Варюшу за подбородок и посмотрел, посмеиваясь, в ее синие глаза.

— Эх ты, — сказал он, — винютны глазки с косичками! Чем же тебя отдарить? Разве вот этим?

Боец достал из кармана шинели
маленькое стальное колечко,
сдул с него крошки махорки и
соли, потер о рукав шинели и
надел Варюше на средний палец:

- Носи на здоровье! Этот перстенек
совершенно чудесный. Гляди, как
горит!
- А отчего он, дяденька, такой
чудесный? – спросила,
раскрасневшись, Варюша.





Боец достал из кармана шинели маленькое стальное колечко, сдул с него крошки махорки и соли, потер о рукав шинели и надел Варюше на средний палец:

— Носи на здоровье! Этот перстенек совершенно чудесный. Гляди, как горит!

– А оттого, – ответил боец, – что ежели будешь носить его на среднем пальце, принесет он здоровье. И тебе и деду Кузьме. А наденешь его вот на этот, на безымянный, – боец потянул Варюшу за озябший, красный палец, – будет у тебя большущая радость.

Или, к примеру, захочется тебе посмотреть белый свет со всеми его чудесами. Надень перстенек на указательный палец – непременно увидишь!



— Ежели будешь носить его на среднем пальце, принесет он здоровье. И тебе и деду Кузьме. А наденешь его на безымянный, — будет у тебя большая радость. Или, к примеру, захочется тебе посмотреть белый свет, — надень перстенек на указательный палец.

Сказка «Стальное колечко».

- ▶ средний палец – принесет здоровье,
- ▶ на безымянный – «большущую радость»,
- ▶ на указательном – повидаешь «белый свет со всеми его чудесами».



- Будто? – спросила Варюша.
- А ты ему верь, – прогудел другой боец из-под поднятого ворота шинели. – Он колдун. Слыхала такое слово?
- Слыхала.
- Ну то-то! – засмеялся боец. – Он старый сапер. Его даже мина не брала!
- Спасибо! – сказала Варюша и побежала к себе в Моховое







— А ты ему верь, — прогудел другой боец из-под поднятого ворота шинели. — Он колдун. Слыхала такое слово? Ну то-то! Он старый сапер. Его даже мина не брала!

— Спасибо! — сказала Варюша и побежала к себе в Моховое.

Сорвался ветер, посыпался густой-
прегустой снег. Варюша все трогала
колечко, повортывала его и
смотрела, как оно блестит от зимнего
света.



«Что ж боец позабыл мне сказать про мизинец? – подумала она. – Что будет тогда? Дай-ка я надену колечко на мизинец, попробую».

Константин Георгиевич
Паустовский





«Что ж боек позабыл сказать мне про мизинец? — подумала она.— Что будет тогда? Дай-ка я надену колечко на мизинец, попробую».

Она надела колечко на мизинец. Он
был худенький, колечко на нем не
удержалось,
упало в глубокий
снег около
тропинки и сразу
нырнуло на самое снежное
дно.







Она надела колечко на мизинец. Он был худенький. Колечко на нём не удержалось, упало в глубокий снег около тропинки и сразу нырнуло на самое снежное дно.

Варюша заплакала. Пропало колечко!



Но мизинец был худенький, колечко на нем не удержалось, упало в глубокий снег около тропинки и нырнуло на самое снежное дно. Варюша охнула и стала разгребать снег руками. Колечка не было. Пальцы у Варюши посинели. Их так свело от мороза, что они уже не сгибались.

Варюша охнула и начала разгребать снег руками. Но колечка не было. Пальцы у Варюши посинели. Их так свело от мороза, что они уже не



Варюша заплакала. Пропало колечко!
Значит, не будет теперь здоровья деду
Кузьме, и не будет у нее большущей
радости, и не увидит она белый свет со



Варюша заплакала. Пропало колечко! Значит, не будет теперь
здравья деду Кузьме, и не будет у нее большущей радости, и не
увидит она белый свет со всеми его чудесами.

Варюша воткнула в снег, в том месте, где уронила колечко, старую еловую ветку и пошла домой. Она вытирала слезы варежкой, но они все равно набегали и замерзали, и от этого было колко и больно глазам.



**Дед Кузьма обрадовался махорке,
задымил всю избу, а про колечко
сказал:**

– Ты не горюй, дочурка! Где упало – там и валяется. Ты Сидора попроси. Он тебе скажет.





Дед Кузьма обрадовался иззорю, залынил всю избу, а про колечко сказал:

— Ты не горюй, дурочка! Где упало — там и валистся. Ты Сидора попроси. Он тебе съшет.

Старый воробей Сидор спал на шестке, раздувшись, как шарик. Всю зиму Сидор жил в избе у Кузьмы самостоятельно, как хозяин. С характером своим он заставлял считаться не только Варюшу, но и самого

бабы.



Кашу он склевывал прямо из мисок, а хлеб старался вырвать из рук и, когда его отгоняли, обижался, ершился и начинал драться и чирикать так сердито, что под стреху слетались соседские воробы, прислушивались, а потом долго шумели, осуждая Сидора за его дурной нрав.





Старый воробей Сидор жил в избе Кузьмы самостоятельно, как хозяин. С характером своим он заставлял считаться не только Варюшу, но и самого деда. Кашу склевывал прямо из мисок, а хлеб старался вырвать из рук. Все соседские воробыни осуждали Сидора за его дурной нрав.

Живет в избе, с тепле, в сытости, а все ему мало!



Старый кирбей Сидор был не чисток, раздражителен, как птицы. Всю зиму Сидор жил в избе у Кузьмы самостоятельно, как холдинг. С характером своих он наставлял считаться же только Варюшу, но и самого лада. Банду он пытывал прямо из маков, а хлеб старался выгрести на руки и, когда его отнимали, обижался, кричал и зачищал драться и чи-

ривать так гердито, что под спину слетались складки из-за робких превратов. А потом долго шумели, искушали Сидора за его другой ящики. Живет в избе, в тепле, в сытости, а всё ему мало!

На другой день Варюша поймала Сидора, замерзнула в избах и понесла в лес. На них снега торпал только самый



На другой день Варюша поймала Сидора, завернула в платок и понесла в лес. Из-под снега торчал только самый кончик еловой ветки. Варюша посадила на ветку Сидора и попросила:

– Ты поищи, поройся! Может, найдешь!



Из-под снега торчал только самый кончик словной ветки. Варюша
посадила на ветку Сидора и попросила:
— Ты поищи, поройся! Может, найдешь!

Но Сидор скосил глаз, недоверчиво
посмотрел на снег и пропищал: «Ишь ты!
Ишь ты! Нашла дурака!... Ишь ты, ишь
ты!» – повторил Сидор, сорвался с ветки и
полетел обратно в избу.





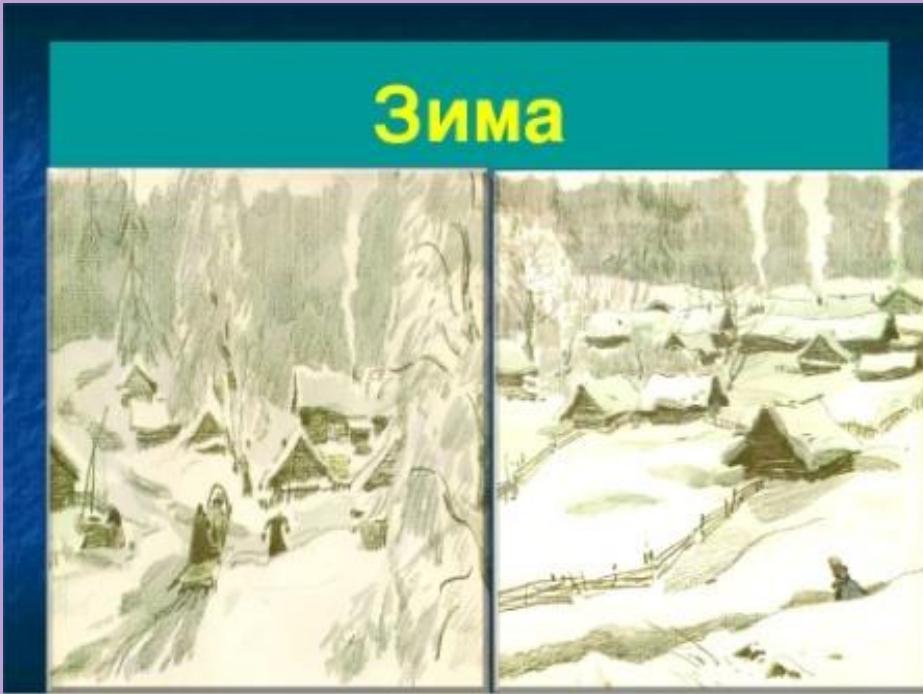
Но Сидор скосил глаза, недоверчиво посмотрел на снег и пропищал: «Ишь ты! Ишь ты! Нашла дурака!» — сорвался с ветки и полетел обратно в избу.

Дед Кузьма кашлял все сильнее. К весне он залез на печку. Почти не спускался оттуда и все чаще просил попить. Варюша подавала ему в железном ковшике

Болезнь деда Кузьмы



Метели кружились над деревушкой,
заносили избы. Сосны завязли в снегу, и
Варюша уже не могла отыскать в лесу то
место, где уронила колечко. Все чаще она,
спрятавшись за печкой, тихонько плакала
от жалости к деду и бранила себя.





Метели кружились над деревушкой, заносили избы. Сосны завязли в снегу, и Варюша уже не могла отыскать в лесу то место, где уронила колечко.

– Дуреха! – шептала она. –
Забаловалась, обронила перстенек.
Вот тебе за это! Вот тебе!

Она била себя кулаком по темени,
наказывала себя, а дед Кузьма
спрашивал:

– С кем это ты там шумишь-то?
– С Сидором, – отвечала Варюша. –
Такой стал неслух! Все норовится
драться.



Все чаще она, спрятавшись за печкой, тихонько плакала от жалости к деду и бранила себя. Она била себя кулачком по темени, а дед Кузьма спрашивал:

— С кем это ты там шумишишь-то?

— С Сидором, — отвечала Варюша. — Такой стал неслух!

Однажды утром Варюша проснулась оттого, что Сидор прыгал по оконцу и стучал клювом в стекло. Варюша открыла глаза и зажмурилась. С крыши, перегоняя друг друга, падали длинные капли. Горячий свет бил в оконце. Орали галки.



Варюша выглянула на улицу. Тёплый ветер дунул ей в глаза, растрепал волосы.

— Вот и весна! — сказала Варюша.



Однажды утром Варюша проснулась оттого, что Сидор прыгал по оконцу и стучал клювом в стекло. Варюша открыла глаза и зажмурилась.

— Вот и весна! — сказала она.

Блестели черные ветки, шуршал,
сползая с крыш, мокрый снег и
важно и весело шумел за
околицей сырой лес. Весна шла
по полям как молодая хозяйка.

Стоило ей только посмотреть на
овраг, как в нем тотчас начинал
булькать и переливаться ручей.

Весна шла и звон ручьев с
каждым ее шагом становился



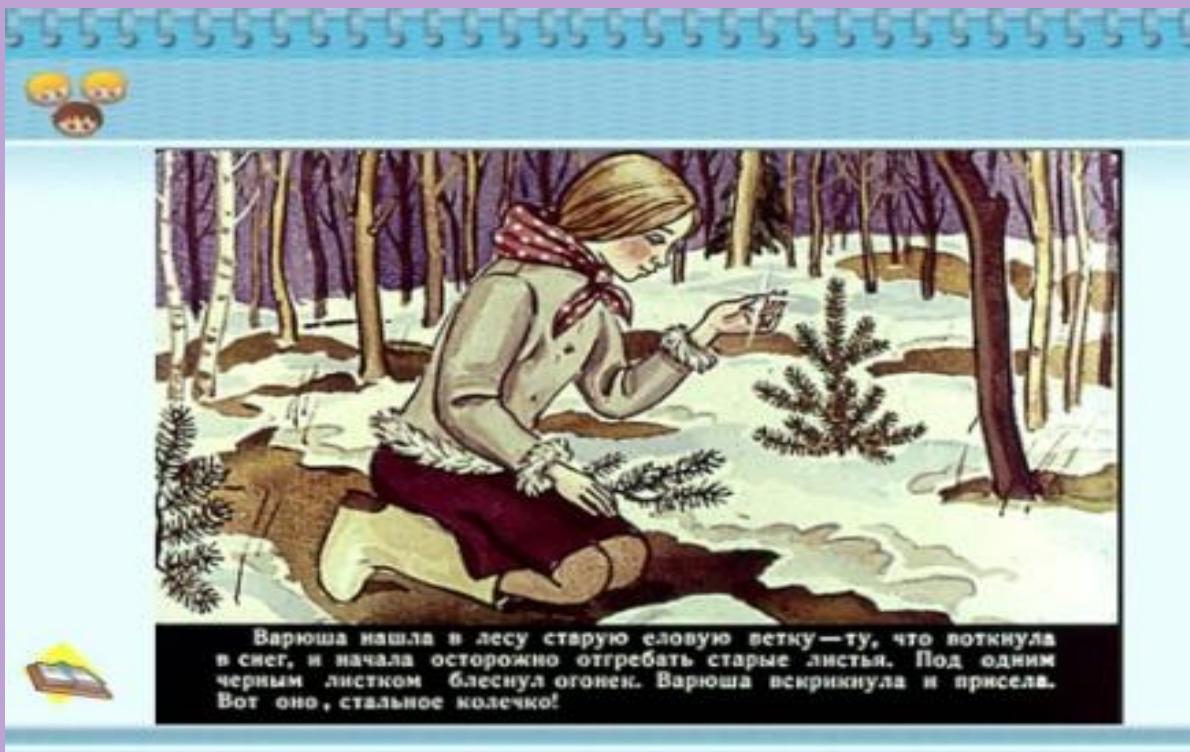
Блестели черные ветки, шуршал, сползая с крыш, мокрый снег,
и важно и весело шумел за околицей сырой лес. Весна шла по
полям как хозяйка, извон ручьев с каждым шагом становился громче
и громче. Снег в лесу потемнел, простили проталины и на краю
последних сугробов зацвели первые цветы мать-и-мачехи.

Снег в лесу потемнел. Сначала на нем
выступила облетевшая за зиму
коричневая хвоя. Потом появилось
много сухих сучьев – их наломало
бурей еще в декабре, – потом
зажелтели прошлогодние палье
листья, проступили проталины и на
краю последних сугробов зацвели
последние цветы мать-и-мачехи.





Варюша нашла в лесу старую еловую ветку
– ту, что воткнула в снег, где обронила
колечко, и начала осторожно отгребать
старые листья, пустые шишки,
накиданные дятлами, ветки, гнилой мох.
Под одним черным листком блеснул



Варюша схватила его, надела на
средний палец и побежала домой.

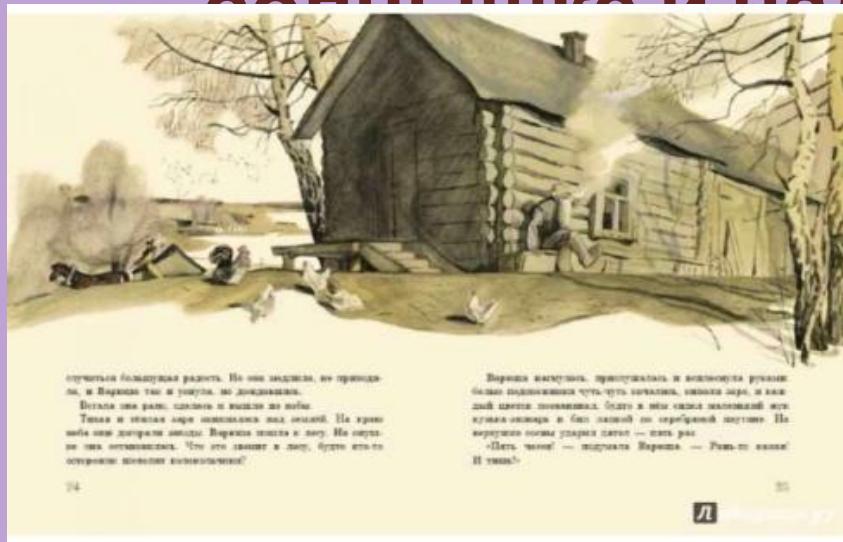
Колечко нашлось





Варюша схватила его, надела на средний палец и побежала домой.

Еще издали, подбегая к избе, она увидела деда Кузьму. Он вышел из избы, сидел на завалинке, и синий дым от махорки поднимался над дедом прямо к небу, будто Кузьма просыхал на весеннем солнышке и над ним курился пар.



спущется большущая радость. Но они засыпали, не приподнялись, и Варяка так и уснула, не доискивалась.

Был ли раз, склонил и висит ли ноги.

Тихая и спокойная звонко позвенела колокольчик. На крыше избы звонко звенели колокольчики. Варяка звонко в лесу. Но спустя час эти звонки исчезли. Что это значит в лесу, будто есть то спрятано: колокольчики?

74

Варяка взмыла, прислушалась и всхлопнула руки: белые подносящие чут-чутко хороводы, виноградные вареники, и какий цветок появился; бледы к нему сидят маленький жук куличик-жук и блед листок по серебряной пыльце. На деревянную ногу ударили деревя — паха раз.

«Пять часов! — подумала Варяка. — Раньше вставай! И тиши!»

л





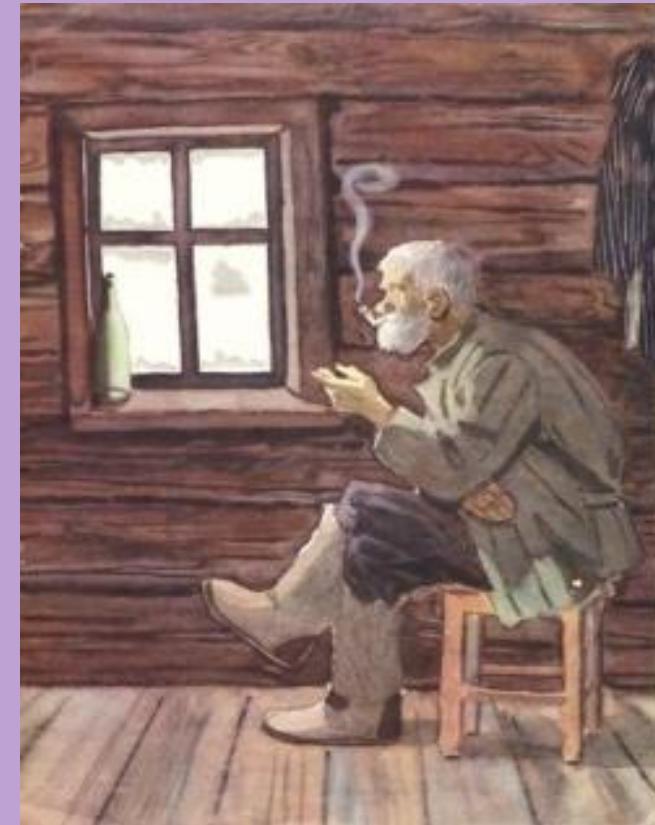
Ещё издали, подбегая к избе, она увидела деда Кузьму. Он вышел из избы, сидел на завалинке.

– Ну вот, – сказал дед, – ты, вертушка, выскочила из избы, позабыла дверь затворить, и продуло всю избу легким воздухом.

И сразу
болезнь меня
отпустила.

Сейчас вот покурю,
возьму колун,
наготовлю дровишек,
затопим мы печь

и спечем ржаные лепешки.





— Ну вот, — сказал дед, — ты, пертушка, выскочила из избы, позабыла дверь затворить, и продуло всю избу легким воздухом. И сразу болезнь меня отпустила.

Варюша засмеялась, погладила деда по косматым серым волосам, сказала:

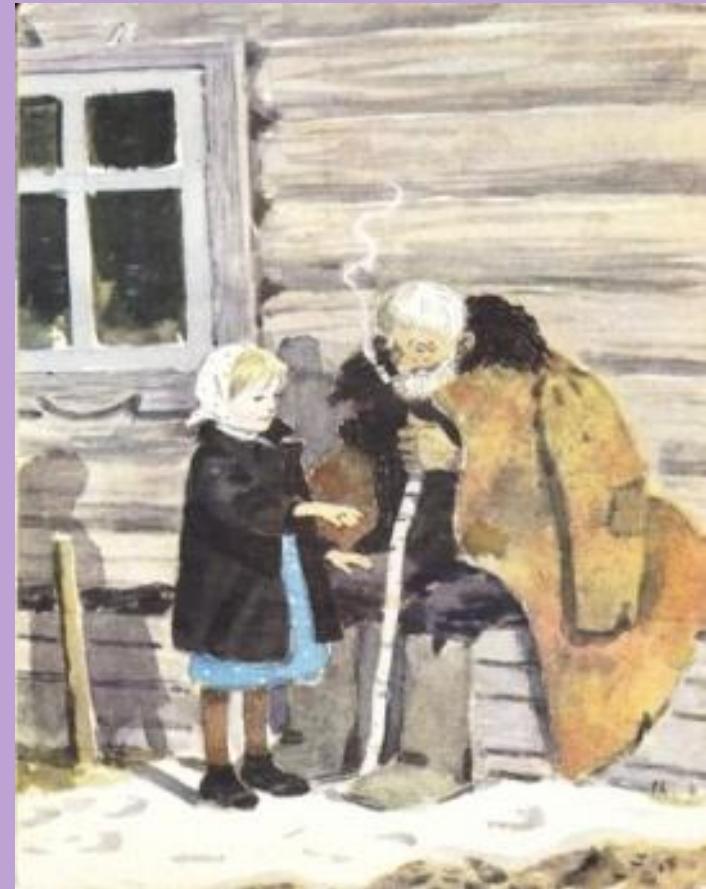
— Спасибо колечку! Вылечило оно тебя, дед Кузьма.

Варюша засмеялась, погладила
деда по косматым серым
волосам, сказала:

– Спасибо колечку!

Вылечило оно тебя,

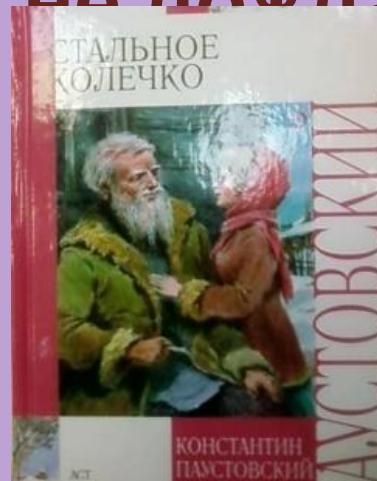
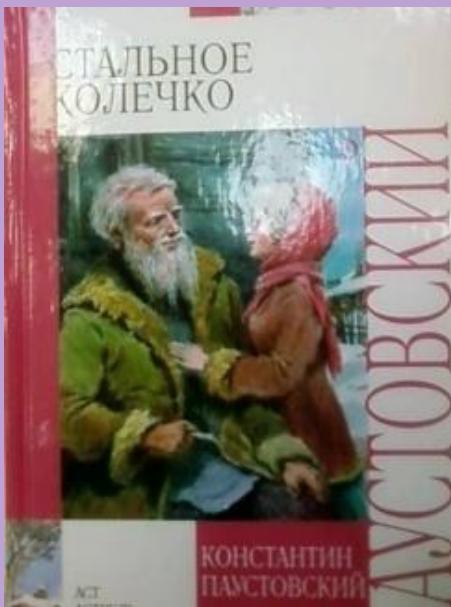
дед Кузьма.



Дед Кузьма поправился



Весь день Варюша носила колечко на среднем пальце, чтобы накрепко прогнать дедовскую болезнь. Только вечером, укладываясь спать, она сняла колечко со среднего пальца и надела его на безымянный. После этого должна была случиться большущая радость. Но она не приходила, и Варюша так и снула, не пожавши





Весь день Варюша носила колечко на среднем пальце, чтобы накрепко прогнать ледовскую болезнь. Только укладываясь спать, она надела его на безымянный. После этого должна была случиться большущая радость, но она медлила, и Варюша так и уснула, не дождавшись.

Тихая и теплая заря занималась над землей. На краю неба еще догорали звезды. Варюша пошла к лесу. На опушке она остановилась. Что это звенит в лесу, будто кто-то осторожно шевелит



Встала она рано, оделась и вышла из избы. Тихая и теплая заря занималась над землей. На краю неба еще догорали звезды. Варюша пошла к лесу. На опушке она остановилась. Что это звенит в лесу?

Варюша нагнулась, прислушалась и всплеснула руками: белые подснежники чуть-чуть качались, кивали заре, и каждый цветок позванивал, будто в нем сидел маленький жук кузька-звонарь и бил лапкой по серебряной паутине. На верхушке сосны ударил дятел – пять раз.

«Пять часов! – подумала Варюша. – Рань-то какая! И тиши!»

Весь день Вареня носила колечко на среднем пальце, чтобы накрепко прятать деревянную блохину. Только вечером, укладывая спать, она сняла колечко со среднего пальца и надела его на безымянный. После этого девушка была слушательница множества радостей. Но она медлица не приходила, и Вареня так и уснула, не дождавшись.

Ветром она разошлась и вышла из избы.

Тихий и теплый зари засияла над ложбиной. На краю неба они дрожали звёзды. Вареня поняла в лесу. На опушке остановилась. Что это шумит в лесу, будто кто-то осторожно переключает колокольчики?

Вареня шагнула вправо, крикнула я золотому рунами: белые подвенечники чуть-чуть начались, кивали заре, я плащай цветок изменивал, будто в нём сидел маленький зук кузина земляр в белой линей из серебряной паутине. На верхушке гости ударили дитя — пять раз.

«Пять часов! — подумала Вареня. — Раньше казалось пять!»

Тотчас высоко на ветвях в золотом зоревом свете засияла ивовая.



**Тотчас высоко на ветвях в золотом
заревом свете запела иволга.**



Варюша стояла, приоткрыв рот,
слушала, улыбалась. Ее обдало
сильным, теплым, ласковым
ветром, и что-то прошелестело
рядом. Закачалась лещина, из
ореховых сережек посыпалась
желтая пыльца. Кто-то прошел
невидимый мимо Варюши,
осторожно отводя ветки.
Навстречу ему закувала,
закланялась кукушка.



Варюша, приоткрыв рот, слушала, улыбалась. Ее обдало сильным, теплым, ласковым ветерком, и что-то прошелестело рядом. Закачалась лещина, из ореховых сережек посыпалась желтая пыльца. Кто-то прошел невидимый мимо Варюши, осторожно отводя ветки.

«Кто же это прошел? А я и не разглядела!» – подумала Варюша. Она не знала, что это весна прошла мимо нее.



Однажды утром Варюша приводила отчима, что Садко пришел по окрестам и спасла деревню в стихии. Варюша открыла окно и зажмурилась. С холмов, опрокинув дверь, вились дымовые кипки. Первый свет был в окнах. Оражало солнце.

Варюша выглянула из окна. Тихий вечер дует в ветви, расщепляя ветки.

— «Вот и весна!» — сказала Варюша.

Кончиками воротилок, дурацких, склоняя к крыше, покрытой снегом, и висящими из оконниц листьев из-под снега, на окнах были пестрят цветочки. Синими и белыми, но некоторые из них зеленые, бледные. Синими и белыми, но некоторые из них зеленые, бледные. Бледные они, и такие ручные, с такими же бледными глазками, пресные и прозрачные.

Снег в лесу потонул. Синевы из-под земли выплыли из-под земли, из-под коряжиновых листьев. Шелест земли начался между стволов деревьев — из-под земли. Сурьи синие и зеленые, — зеленые и синие. Пространство между листьями, простирается прозрачными и такими бледными, прозрачными, бледными, зелеными и зелеными.

Варюша вспомнила в этот вечер слова отчима — то, что вспомнила и сказала, где образовалась юношеская любовь к отчиму — спасителю деревни в стихии. Варюша покраснела, застеснялась, покраснела лицо. Под головой деревьев пахнуло бледнотой. Варюша покраснела и покраснела. Вот так, стыдливо покраснела! Оно интересно же покраснеть.

Варюша сомневалась что, жаждет ли средний залечь и забыть любовь.

Как поздно, склоняясь и встав, она увидела лица Жужуны. Он покраснел на щеках, покраснел по щекам, и щеки залечь не

Варюша засмеялась громко, на весь лес, и побежала домой. И большущая радость — такая, что не охватишь руками, — зазвенела, запела у нее на сердце.



Варюша засмеялась громко, на весь лес, и побежала домой.
И большущая радость — такая, что не охватишь руками, — зазвенела,
запела у нее на сердце.

Весна разгоралась с каждым днем
все ярче, все веселей. Такой свет
лился с неба, что глаза у деда
Кузьмы стали узкие, как щелки,
но все время посмеивались. А
потом по лесам, по лугам, по
оврагам сразу, будто кто-то
брьзнул на них волшебной
водой, зацвели-запестрели
тысячи тысяч цветов.



Весна разгоралась с каждым днем все ярче, все пылее. Такой свет лился с неба, что глаза у деда Кузьмы стали узкие, как щелки, но все время посматривались. А потом по лесам, по лугам, по оврагам сразу, будто кто-то брызнул из них волшебной водой, зацвели запестрели тысячи тысяч цветов.

Варюша думала было надеть
перстень на указательный палец,
чтобы Повидать белый свет со
всеми его чудесами, но
посмотрела на все эти Цветы, на
липкие березовые листочки, на
яснее небо и жаркое солнце,
Послушала перекличку петухов,
звук воды, пересвистывание
птиц над полями – и не надела
перстенек на указательный



Варюша думала было надеть перстенек на указательный палец, чтобы повидать белый свет со всеми его чудесами, но передумала. «Успею. Нигде на белом свете не может быть так хорошо, как у нас в Моковом. Не зря ведь дед Кузьма говорит, что наша земля истинный рай и нету другой такой хорошей земли на белом свете!»

«Успею, – подумала она. – Нигде на белом свете не может быть так хорошо, как у нас в Моховом. Это же прелесть что такое! Не зря ведь дед Кузьма говорит, что наша земля истинный рай и нету другой такой хорошей земли на белом свете!»





«Стальное колечко» - рассказ Константина Паустовского.

В нем повествуется о том, как вместе живут дед Кузьма с внучкой Варюшой. Однажды дедушка отправляет девочку за махоркой. Сделав покупку, Варя идет посмотреть на поезда. Здесь она встречает двух солдат, которых угощает махоркой. Один из них дарит девочке стальное колечко. Какой волшебной силой обладает это неприметное украшение – об этом рассказ.

Рассказ учит доброте, любви к своей Родине и вере в чудеса

Стальное

колечко

